

ПОСОЛЬСТВО АППИЯ КЛАВДИЯ К ТИГРАНУ ВЕЛИКОМУ И НАЧАЛО АРМЯНО-РИМСКОГО КОНФЛИКТА

А.Р. ПАНОВ

*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Арзамасский филиал*

e-mail: panov_alexandr@mail.ru

В статье исследуются обстоятельства начала армяно-римского конфликта в 60-х гг. I в. до н.э. Наиболее подробно автор анализирует сведения источников, касающиеся посольства Аппия Клавдия к Тиграну Великому. По мнению автора, изначально римляне и тем более Тигран не были нацелены на войну, однако вопрос о выдаче Митридата оказался принципиальным. Как полагает исследователь, уступка в данном вопросе для каждой из сторон означала умаление политического авторитета, что привело к бескомпромиссности занимаемых позиций. Тем самым, нежелание пойти на дипломатические уступки сделало неизбежным военное столкновение.

Ключевые слова: Древняя Армения, Древний Рим, Тигран Великий, Аппий Клавдий.

Правитель Армении Тигран II Великий вошел в историю как создатель крупной территориальной державы, который, впрочем, недолго оставался в зените своего могущества: решающим событием, повлекшим за собой потерю завоеванных им земель, стала неудачная война с римлянами в начале 60-х гг. I в. до н.э. Эскалации конфликта предшествовали переговоры, исход которых, очевидно, стал определяющим для последующего развития событий.

Тигран II на протяжении первой половины своего правления вел активную экспансию практически во всех направлениях, так что его владения быстро расширялись, но при этом ему долгое время удавалось избежать прямого столкновения с римлянами. Тестем Тиграна II являлся понтийский царь Митридат VI Евпатор, который также успешно реализовывал свои внешнеполитические амбиции, что в итоге вылилось в непримиримую вражду с Римом. Несмотря на то, что Тигран II и Митридат VI длительное время поддерживали союзные отношения и даже организовывали совместные операции (напр., в Каппадокии – Just., XXXVIII, 3, 1-3), армянский царь в 80-70-х гг. I в. до н.э. воздерживался от участия в митридатских войнах, невзирая на обращения со стороны своего родственника. В ходе последней из митридатских войн Тигран, по словам Мемнона, «из-за частых просьб дочери Митридата обещал помочь союзнику» (XLIII, 3), однако данные источников не позволяют утверждать, что это обещание было выполнено. Вполне возможно, что сам же Митридат выдавал желаемое за действительное, стараясь надеждами на армянскую помощь приободрить своих воинов и дезориентировать противника: подобный прием он применил при осаде Кизика, пытавшись убедить осажденных, что вместо римлян под стены города подошли войска Тиграна (Plut., Luc., 21), а позднее гераклеоты, выступавшие на стороне понтийского царя, были обмануты слухами о прибытии значительной помощи из Армении (Memn., LI, 2-3). На деле же до тех пор, пока усиление могущества Армении могло проходить без вступления в борьбу с Римом, Тигран придерживался нейтральной по отношению к римлянам позиции¹, и толкование его политики как целенаправленно антиримской² представляется необоснованным.

Положение мало изменилось даже после того, как Митридат потерпел сокрушительное поражение от римлян и вынужден был бежать к своему зятю в 71 г. до н.э.³ (App., Mithr., 82; Memn., XLIV). Примечательно, что хотя Тигран не отказал в приюте Митридату и окружил его почетом, от общения с беглецом он отказался, поместив его в отдален-

¹ При этом нейтралитет Тиграна чаще трактуется как допущенная им политическая ошибка – недооценка исходящей от римлян угрозы (Asdourian P. Die politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom. Venedig, 1912. S. 46-46; Манандян Я.А. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943. С. 91-92).

² Хотя такие оценки все же высказываются: Манасерян Р.Л. Держава Тиграна II и ее борьба против экспансии Рима и Парфии: автореф. ... канд. ист. наук. Ереван, 1982. С. 19.

³ Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // The Cambridge Ancient History. Vol. IX. Cambridge, 2008. P. 237-238.

ном месте, и личная встреча царей произошла спустя более полутора лет после прибытия Митридата (App., Mithr., 82; Plut., Luc., 22; Memn., LV). Бесспорно, Тигран сознательно уходил от разговора с Митридатом⁴, поскольку хорошо понимал, к чему тот будет его подталкивать. Хотя он не мог отказать в приюте своему царственному тестю, вряд ли он испытывал желание быть втянутым в войну с Римом⁵. В противном случае, если бы Тигран с самого начала желал встать на сторону своего родственника, его упорное нежелание встречаться с Митридатом было бы сложно объяснить⁶. Поскольку Римом оказание какой-либо помощи противнику воспринималось бы как враждебный акт⁷, то Тигран не хотел давать повода для обвинения в антиримской позиции. Вполне возможно, что Тигран, мысливший категориями эллинистической дипломатии и полагавшийся на достигнутое могущество, надеялся сохранить нейтралитет и выступить в понтийско-римском конфликте в почетной для себя роли посредника⁸.

Со своей стороны римляне также не были изначально настроены на войну⁹. Пока продолжалась кампания против Митридата, Л. Лукулл не хотел усложнять стоявшие перед ним задачи, о чем красноречиво рассказывает Плутарх, вкладывающий в уста Лукулла речь, оправдывающую его медлительность, и основным аргументом выступает расчет на то, что Тигран не оставит Митридата в беде в случае бегства и начнет войну с римлянами (Plut., Luc., 14). По Плутарху, римским легионерам внушалось опасение, чтобы, «торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном» (Plut., Luc., 14). После бегства Митридата Тигран, разумеется, должен был оказаться в центре внимания римлян, но главной целью для Лукулла являлось завершение порученной ему кампании, для чего требовался захват понтийского царя, в то время как вступление в войну с Арменией находилось вне данного ему поручения. Весьма вероятно, что Лукулл не ожидал осложнений в вопросе выдачи Митридата и считал войну законченной, что подтверждается организацией им жертвоприношений как по случаю победы (App., Mithr., 84).

Насколько можно судить по сохранившимся источниковым данным, армяно-римские взаимоотношения в предшествующие годы не были отмечены принципиальными противоречиями. Хотя усилия Митридата и Тиграна закрепиться в Каппадокии наталкивались на римское сопротивление, в остальном расширение Великой Армении в южном и восточном направлениях не вызвало ответной реакции со стороны римлян, в сфере интересов которых на Востоке находились преимущественно малоазийские области, прилегающие к римской провинции Азия. Даже присоединение к владениям Тиграна Сирии не повлекло какого-либо римского вмешательства. Очевидно, что римляне более серьезной угрозой считали усилившееся Понтийское царство, находившееся ближе к непосредственным владениям Рима в

⁴ По Г. Ферреро, Тигран был побужден к такому обращению с беглецом «своими советниками, страшившимися иметь в Митридате соперника» (Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. СПб., 1997. С. 143). Однако сложно представить ситуацию, что приближенные Тиграна обладали на него таким влиянием, что могли давать подобные советы, и при этом видели в Митридате своего конкурента.

⁵ Б. Мак-Гинг вполне обоснованно говорит, что наиболее заинтересован в армяно-римском конфликте был Митридат, который видел в этом, возможно, единственный шанс на возвращение своего царства, и поэтому Тигран, не желавший вступать в войну с Римом, не стал встречаться с беглецом (McGing B.C. The foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 152). Помимо этого, для Тиграна значение могли иметь и личные причины, которые особенно подчеркивает К. Армен (Armen H. Tigranes the Great: A Biography. Detroit, 1940. P. 140): подозрение в причастности Митридата к выступлениям против Тиграна двух его старших сыновей (App., Mithr., 104; Val. Max., IX, 11).

⁶ Лишь Р.Л. Манасерян придерживается мнения, что Тигран дал убежище Митридату, потому что готовился к войне с Римом и нуждался в союзнике; отказ армянского царя от участия в 3-й митридатской войне до этого исследователь объясняет тем, что Тигран был занят укреплением своей державы (Манасерян Р.Л. Тигран Второй и римско-понтийская война 73-71 гг. до н.э. // Вестник общественных наук. АН Армянской ССР. 1977. № 5. С. 106-108).

⁷ Phillipson C. The international Law and Custom of ancient Greece and Rome. Vol. II. London, 1911. P. 312.

⁸ Возможно, Тигран надеялся, что римляне удовлетворятся его обещанием того, что Митридат никогда не покинет «позолоченной клетки», в которой он оказался (Matyszak P. Mithridates the Great: Rome's Indomitable Enemy. Barnsley, 2009. P. 125).

⁹ Все же кажется преувеличением мнение Т. Моммзена, что война с Тиграном объективно была вызвана необходимостью «отодвинуть Армению за Тигр», так что требовался лишь дипломатический повод, каковым и стала миссия Клавдия (Моммзен Т. История Рима. Т. 3. М., 1941. С. 56, 58. Подобную же оценку дают Т. Рейнак и К. Экхардт – Reinach T. Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890. P. 353; Eckhardt K. Die Armenischen Feldzüge des Lucullus // Klio. 1909. Bd. 9. S. 72). Хотя в перспективе столкновение Рима с усилившимся Армянским царством, действительно, выглядело практически неизбежным, сложно утверждать, что Лукулл сознательно брал курс на войну – сам же выдающийся немецкий романист отмечает, что римский полководец действовал, не имея как санкции сената на вторжение в Армению, так и достаточных сил для ведения борьбы одновременно против армянского и понтийского царей. Поэтому более оправданным кажется мнение, что Лукулл имел основания избежать конфликта (Keaveney A. Lucullus. A Life. London, New York, 2003. P. 101-102).

Азии. Для Тиграна же главным противником выступала Парфия¹⁰, и за годы своего правления он из зависимого от парфян правителя превратился в царя царей, не уступавшему по могуществу парфянскому монарху. Отсутствие прямого столкновения интересов Рима и Армении долгое время позволяло Тиграну реализовывать экспансию, не опасаясь навлечь на себя гнев римлян. Лишь появление новой проблемы нарушило ход развития армяно-римских контактов, и этой проблемой стал вопрос о возможности выдачи Митридата, где стороны занимали противоположные позиции.

С одной стороны, для Тиграна, связанного с понтийским царем союзными отношениями и родственными узами, передача беглеца римлянам означала бы потерю своего реноме в глазах подданных. Тигран, большое внимание уделявший внешним атрибутам своей власти, что проявлялось даже в окружении себя подвластными монархами (Plut., Luc., 21), выставил бы себя в крайне невыгодном свете, если бы пошел на поводу у римлян. По эллинистическим понятиям требование выдачи можно было предъявить только зависимому или заведомо слабому государству¹¹. Поэтому для Тиграна выдача Митридата была равносильна признанию вассалитета, что явно не соответствовало его претензиям¹².

С другой стороны, Лукулл не мог удовлетвориться тем, что Митридат был вытеснен за пределы Понтийского царства и находился на положении беглеца. Учитывая то, сколь продолжительным и упорным оказалось противостояние Рима с Митридатом, было весьма маловероятно, что последний смирится со своим поражением и не станет искать возможностей для продолжения борьбы. Только обладание Митридатом – живым или мертвым – означало завершение военной кампании. Для сравнения можно указать, что позднее попытки царя завязать переговоры с Помпеем натолкнулись на жесткое требование непрременной сдачи лично (App., Mithr., 98), а сын Митридата Фарнак, восставший против отца и ставший, тем самым, виновником его смерти, отдал его тело римлянам (App., Mithr., 113). По римским традициям материальным воплощением одержанных побед для полководцев являлись триумфальные процессии, в которых принимали участие побежденные монархи и члены их семей. Античные авторы проявляли особую тщательность при описании проведенных пленников¹³. Нахождение Митридата вне пределов досягаемости римлян подрывало значение достигнутых ими военных успехов и не позволяло Лукуллу рассчитывать на беспорядный триумф. Поэтому для него захват Митридата был принципиальным вопросом, которым нельзя было поступиться без ущерба для своего авторитета.

Лукуллом были инициированы переговоры по поводу выдачи понтийского царя. В роли посланника выступил Аппий Клавдий Пульхр, родственник Лукулла – римский полководец был женат на его сестре. Аппий Клавдий был направлен к Тиграну¹⁴ (Plut., Luc., 21; Memn., XLVI, 2), и целью миссии было решение вопроса о выдаче Митридата. По Плутарху, римского посла специально повели кружным путем, и даже прибыв в Антиохию, он был вынужден дожидаться приезда Тиграна, занятого «покорением каких-то финикийских городов» (Plut., Luc., 21)¹⁵. Очевидно, что армянский царь использовал ту же тактику промедления, что и в отношении Митридата, откладывая рассмотрение неприятного для себя дела. Кроме того, вынуждая Аппия Клавдия находиться в роли ожидающего просителя, Тигран демонстрировал таким способом силу своего положения.

Однако римский посланник не только не был смущен нежеланием армянского царя поспешить на встречу, но и использовал освободившееся время¹⁶ для плетения интриг

¹⁰ Литовченко С.Д. Римско-армянские отношения в I в. до н.э. – нач. I в. н.э.: дис. канд. ист. наук. Харьков, 2003. С. 73.

¹¹ Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 59.

¹² Magie D. Roman rule in Asia Minor. Vol. 1. Princeton, 1950. P. 340.

¹³ Beard M. The Roman Triumph. Cambridge, 2007. P. 120.

¹⁴ Общерапространенная датировка отъезда Аппия Клавдия из расположения римской армии – 71 г. до н.э., причем скорее конец года (Geyer F. Tigranes // Pauly-Wissowa-Kroll. Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. VIa. Hbd. 11. Stuttgart, 1936. Col. 971; Keaveney A. Op. cit. P. 99; Манандян Я.А. Указ. соч. С. 82; Eckhardt K. Op. cit. S. 74; Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1994. С. 159; Талах В.Н. Рожденный под знаком кометы: Митридат Эвпатор Дионис. Киев, 2013. С. 148). Иной хронологической схемой придерживается Ч. Конрад, почему-то датирующий посольство 72 г. до н.э. (Konrad Ch.F. "Reges Armenii Patricios Resalutare Non Solent?" // The American Journal of Philology. 1983. Vol. 104. № 3. P. 279-280).

¹⁵ Вероятно, в отсутствие Тиграна римский посол должен был находиться по большей части в обществе Магадата (Багадата), назначенного армянским царем для управления Сирией (App., Syr., 48) – Chahin M. The Kingdom of Armenia: A History. New York, 1991. P. 229.

¹⁶ Ожидание, очевидно, заняло несколько месяцев, возможно, год (Mayor A. The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy. Princeton, 2009. P. 293).

против него. Аппий Клавдий вступил в контакты с подвластными Тиграну правителями и городами¹⁷ и сумел привлечь их на сторону Рима, советуя, правда, временно воздерживаться от решительных действий (Plut., Luc., 21). То, что действия римлянина имели последствия, доказывает судьба гордиенского правителя Зарбиена, с которым Клавдий вел переговоры: впоследствии по обвинению в измене он был казнен Тиграном, но получил посмертные почести от римлян, включая установку роскошного памятника (Plut., Luc., 29). Плутарх отмечает, что Лукулл именовал Зарбиена другом и союзником римского народа, и хотя данное звание не обязательно было сопряжено с наличием формального соглашения¹⁸, но некая договоренность о сотрудничестве имела место. О других подданных Тиграна, пожелавших вступить в союзные отношения с Лукуллом в ходе армяно-римской войны (правитель Коммагены Антиох, арабский вождь Алходоний, софенцы – Plut., Luc., 29; Dio Cass., XXXVI, 2, 5), наши источники не сообщают, связывался ли с ними ранее Аппий Клавдий, но в любом случае последний при дворе Тиграна сумел подготовить почву для появления симпатий к Риму среди местной элиты, и последующие военные успехи Лукулла послужили катализатором роста проримских настроений.

Насколько деятельность Клавдия имела заранее спланированный характер? Высказывается мнение, что римский посол имел секретную инструкцию от Лукулла возмутить и восстановить против Тиграна его подданных¹⁹. Наличие полноценной «инструкции» представляется все же маловероятным с учетом того, что Клавдий сам не знал, как будет выглядеть его маршрут, и сколько времени поездка займет, но, безусловно, ему могло быть дано поручение изучить ситуацию внутри державы Тиграна и далее действовать по обстановке. Вероятно, римляне сами не предполагали, что посольство, невзирая на его формальную неудачу из-за недостижения главной цели, окажется настолько полезным в расширении их социальной опоры в восточных областях. Аппием Клавдием было обнаружено наиболее уязвимое место в державе Тиграна – сепаратистские настроения, подпитка которых была способна существенно ослабить мощь армянского царя. Тигран же не только не предусмотрел возможности налаживания связей между римлянином и своими оппозиционно настроенными подданными, но и невольно создал условия для установления прямого контакта между ними.

Долгожданная встреча Аппия Клавдия и Тиграна началась, очевидно, с церемониальной части – армянский царь пытался произвести на римского посла должное впечатление внешней демонстрацией собственного величия²⁰. Но, как пишет Плутарх, это пышное зрелище не смутило Клавдия, сразу фактически предъявившего ультиматум: он заявил, что пришел «или получить Митридата, который должен быть проведен в триумфальном шествии Лукулла, или объявить Тиграну войну» (Plut., Luc., 21). Римский посол действовал предельно прямолинейно, не пытаясь дипломатическими уловками сгладить жесткость римской позиции. При этом он явно выполнял установку Лукулла, что прослеживается по данным источников. У Мемнона и Аппиана именно Лукулл обозначен как «требующий выдачи» Митридата (Memn., XLVI, 2; App., Mithr., 83). Еще более показательны сведения Плутарха: он упоминает, что в письме к Тиграну римский полководец не назвал его полный титул, именуя его царем, а не царем царей²¹ (Plut., Luc., 21). Едва ли это было случайностью²²: римляне, несмотря на собственный негативный опыт царского правления, во внешнеполитической сфере хорошо разбирались в иерархии титулов монархов и, в зависимости от конкретной ситуации, либо придерживались дипломатического этикета, обращаясь к тому или иному правителю с подобающим титулом, либо

¹⁷ Э. Раузон не исключает того, что речь могла идти и о финикийских городах, атакованных Тиграном (Rawson E. The Eastern Clientelae of Clodius and the Claudii // *Historia*. 1973. Bd. 22. N. 2. P. 231).

¹⁸ Matthaei L.E. On the Classification of Roman Allies // *Classical Quarterly*. 1907. Vol. 1. № 2/3. P. 191; Kallet-Marx R. Hegemony to Empire: The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkley, Los Angeles, Oxford, 1995. P. 185.

¹⁹ Armen H. Op. cit. P. 143; Манандян Я.А. Указ. соч. С. 85.

²⁰ Как выражается К. Экхардт, Тигран устроенным зрелищем надеялся «ослепить и запугать молодого римлянина» (Eckhardt K. Op. cit. S. 75).

²¹ По мнению В.Н. Талаха, Лукулл тем самым отказывался признать результаты армяно-парфянской войны и намекал на возможность сотрудничества с Парфией (Талах В.Н. Указ. соч. С. 149), но едва ли римский полководец имел подобный расчет – установление его контактов с парфянами произошло позднее, и скорее своим обращением он демонстрировал уверенность в превосходстве Рима над Тиграном.

²² А. Кивни полагает, что по отношению к негркам Лукулл вел себя очень резко и искренне считал, что восточные правители должны повиноваться приказам Рима, но в Тигране он обнаружил царя, несогласного с готованной ему ролью (Keaveney A. Op. cit. P. 102).

умышленно опускали его, что можно воспринимать не только как дипломатическую игру, но и как желание унижить таким способом другую сторону. Показательно, что Помпей, сменивший Лукулла в должности командующего римскими силами в митридатовой войне, оценил значение данного дипломатического приема и использовал его – к примеру, в отношении парфянского царя (Dio Cass., XXXVII, 6, 1; Plut., Pomp., 38). Очевидно, для Тиграна, гордившегося достигнутым положением, это был болезненный укол, поскольку он ответил в аналогичной манере, не назвав Лукулла императором (Plut., Luc., 21; Memn., XLVI, 3). С учетом сложившихся обстоятельств, вполне естественно, что Тигран отказался идти на уступку римлянам. Ответ на римский ультиматум был лишен налета дипломатической вежливости: армянский царь объявил, что Митридата он не выдаст, а если римляне начнут войну, то окажет им отпор (Plut., Luc., 21). Для обоснования своей позиции Тигран пояснил, что «остерегается порицания от всех людей, если предаст отца своей жены» (Memn., XLVI, 2). Бесспорно, это был значимый аргумент, но в данном случае скорее можно говорить о том, что Тигран стремился не уронить свое царское достоинство, пойдя на уступку римлянам.

Обе стороны четко обозначили свои позиции, что и стало итогом встречи. Армянский царь, правда, попытался несколько сгладить остроту ситуацию, решив щедро одарить римского посла, полагая, видимо, что после этого тот представит отчет о миссии Лукуллу в более благоприятном для Тиграна свете, однако Аппий Клавдий отказался от предлагаемых подарков, ограничившись принятием одной чаши (Plut., Luc., 21)²³. Данный поступок, отмеченный Плутархом, вполне укладывается в выбранную Клавдием линию поведения²⁴. Очевидно, независимый образ действий римского посла резко контрастировал с раболепием, которое преобладало в окружении армянского царя. Если Тигран пытался демонстрацией своего величия обеспечить себе психологическое преимущество в ходе переговоров, то и Аппий Клавдий оказался полностью последователен в выражении уверенности и превосходстве римских сил²⁵. Армянскому царю ясно давали понять, что ни количество подвластных ему монархов, ни размер его богатств не остановят римлян, если будет принято решение о войне. Дипломатические приемы, которые Тигран мог успешно использовать в отношении правителей соседних держав, против Рима оказались малоэффективны.

С формальной точки зрения Тигран мог считать, что в споре с римлянами он остался в выигрышной позиции, поскольку он не уступил Клавдию и отказался выполнить римские требования. Однако, давая объективную оценку переговорам, следует признать, что выбранная армянским царем тактика не принесла результатов: римского посла не удалось впечатлить проявлениями царского могущества, на что Тигран, очевидно, делал основную ставку. С другой стороны, Аппий Клавдий, действуя в одиночку и на чужой территории, сумел добиться реального успеха. Он хорошо понял, что за внешним блеском державы Тиграна кроются внутренние проблемы и противоречия, которые можно было использовать в римских интересах. Римский посол не только получил правильное представление о силе потенциального противника, но и начал подготовку к будущему столкновению, формируя своеобразную «пятую колонну» в стане Тиграна. Т.о., Клавдий как дипломат полностью переиграл своего более именитого оппонента, и его пребывание при дворе Тиграна оказалось весьма продуктивным, в то время как царь царей свои позиции не укрепил.

Выводы, сделанные обеими сторонами по результатам переговоров, оказались различными. Лукулл, как сообщает Плутарх, после возвращения своего посла принял решение о войне против Тиграна (Plut., Luc., 23). Последний же, видимо, не был уверен, что прозвучавшие военные угрозы будут реализованы, и не стал предпринимать каких-либо ак-

²³ Хотя позднее Клавдий не стеснялся использовать свое положение для обогащения – по словам Цицерона, он «для придания блеска своему эдилитету... перевез к себе в дом из всей Греции и со всех островов все статуи, картины, все украшения, какие только оставались в храмах и общественных местах» (Cic., De Domo, 111).

²⁴ Едва ли бескомпромиссность римского посла определялась такими субъективными и факторами и как его неприятие восточной роскоши и вспыльчивость характера, как предполагает А. Шервин-Уайт (Sherwin-White A.N. Roman foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. Oklahoma, 1983. P. 174). Скорее Клавдий совместно с Лукуллом заранее определил, как себя следует вести в ходе переговоров.

²⁵ В отношении поведения Аппия Клавдия явно напрашивается параллель со знаменитой сценой, где римский посланник Попиллий Ленат заставил царя Антиоха IV, не выходя за пределы нарисованного круга, дать ответ на сенатское постановление в выборе между миром и войной, и Селевкид, в отличие от Тиграна, сразу уступил римлянам (Polyb., XXIX, 27; Liv., XLV, 12, 4-6; Just., XXXIV, 3, 3). Как выражается Дж. Бальсдон, порок высокомерия, властности, обозначаемый как *ὑπερηφάνια* (hyperēphania), был присущ римским послам и военачальникам, особенно если они действовали на Востоке, и эти примеры он также отмечает как показательные (Balsdon J.P.V.D. Roman and Aliens. London, 1979. P. 170-171, 265 note 25).

тивных действий. Встреча с Митридатом, которую можно воспринимать как первый шаг к организации антиримского союза, вполне могла состояться лишь после начала войны, так как сведения источников по данному вопросу противоречивы (Plut., Luc., 22; Memn., LV; App., Mithr., 85)²⁶. Несмотря на то, что военные действия были открыты римлянами несколько месяцев спустя (весной 69 г. до н.э.), не подлежит сомнению, что именно посольство Аппия Клавдия стало поворотной точкой в развитии армяно-римских взаимоотношений. Механизм эскалации конфликта оказался запущен, и после миссии Клавдия ни одна из сторон не предприняла каких-либо шагов, чтобы не допустить перетекания дипломатической стычки в вооруженное столкновение.

В целом, *casus belli* во взаимоотношениях Рима и державы Тиграна принял очертания вопроса о выдаче Митридата, но в более широком смысле дело касалось таких категорий как властный авторитет, политический престиж. Для обеих сторон пойти на уступку в этом вопросе означало отказаться от тех или иных политических амбиций, и обсуждение пошло в резком и бескомпромиссном тоне. Данная ситуация нередко складывалась в античности в рамках системы переговоров, основанной на отстаивании позиций и требованиях уступок, когда объект спора превращался в некую игровую ставку, чтобы завладеть которой противники готовы были пойти на неоправданно высокий риск²⁷. Настрой римлян выглядел задиристым, но и Тигран не выказал желаний поиска компромисса, фактически уступив инициативу римлянам. При этом римская оценка соотношения сил оказалась более адекватной, чем упования Тиграна на собственное могущество²⁸, что показали дальнейшие события – разразившийся конфликт завершился в 66 г. до н.э. полной капитуляцией армянского царя, которому пришлось признать военно-политическое превосходство Рима.

THE EMBASSY OF APPIUS CLAUDIUS TO TIGRANES THE GREAT AND THE BEGINNING OF THE ARMENIAN-ROMAN CONFLICT

A.R. PANOV

*Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod,
Arzamas branch*

e-mail: panov_alexandr@mail.ru

In the article the circumstances of the Armenian-Roman conflict (60-s of the I century BC) beginning are investigated. The author analyzes in detail the sources information concerned the embassy of Appius Claudius to Tigranes the Great. In the author's opinion, initially the Romans and even more Tigranes were not intended to provoke a war, but the problem of Mithridates' extradition became crucial. As the researcher supposes, for the each party the concession meant impairing of political authority and their attitude towards this matter was uncompromising. Consequently, the unwillingness to make diplomatic concessions resulted a military conflict inevitably.

Key words: ancient Armenia, ancient Rome, Tigranes the Great, Appius Claudius.

²⁶ Плутарх уверенно говорит, что встреча царей произошла до перехода армии Лукулла через Евфрат, но Аппиан заявляет, что Митридат встретился с Тиграном впервые (прото́в) уже в ходе военных действий. Мемнон же точно определяет продолжительность времени между бегством Митридата в Армению (примерно осень 71 г. до н.э.) и встречей царей как 20 месяцев, но с его слов сложно понять, было ли последнее событие по отношению к началу армяно-римской войны предшествующим или последующим. Все же, представляется, есть основания полагать, что встреча царей имела место позднее: то есть после отъезда Аппия Клавдия Тигран продолжал сомневаться в неизбежности войны и потому избегал встреч со своим тестем (Манандян Я.А. Указ. соч. С. 106-107; McGing B.C. The Date of the Outbreak of the Third Mithridatic War // Phoenix. 1984. Vol. 38. № 1. P. 13-14; Литовченко С.Д. Указ. соч. С. 86).

²⁷ Садыков М. Ш. К содержанию понятия «дипломатический кризис» (на примере карфагено-римских взаимоотношений в III в. до н.э.) // Методология и методика изучения античности. М., 1994. С. 33, 35.

²⁸ Особенно критичен в своих оценках Тиграна Т. Рейнак, заявляющий, что 25 лет господства и успеха просто ослепили этого заурядного правителя, и он в своей глупости даже не понял, что его ответ Лукуллу равен объявлению войны (Reinach T. Op. cit. P. 347, 354).